

© 2017 г. С. М. Заяц
г. Тирасполь, Республика Молдова

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ КАК ТЕМНО-СВЕТЛЫЙ ЛИК СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Аннотация: В статье прослеживается противоречивый лик Леонида Андреева, представляющего собой несомненную часть культуры Серебряного века, сумевшего воплотить в своем творчестве особенности литературы и культуры Рубежа веков, явившимися переломными в истории русской цивилизации. Будучи, по признанию многих своих современников и своему собственному признанию, творцом «роскошнейшей дисгармонии», сумел удивительным образом запечатлеть свой творческий лик в русской литературе Серебряного века, став ее неотъемлемой частью, предлагая нам, читателям, по-новому взглянуть на загадочную эпоху Рубежа веков, когда в лету уходили старые эстетические ценности и рождались новые, осмыслением которых будет заниматься творческая мысль XX века.

Ключевые слова: Леонид Андреев, рубеж веков, предреволюционная эпоха.

Информация об авторе: Сергей Михайлович Заяц — доктор филологических наук, профессор, Приднестровский госуниверситет им. Т. Г. Шевченко, ул. 25 Октября, д. 128, 3300-MD г. Тирасполь, Республика Молдова. E-mail: smz67@mail.ru

Дата поступления статьи: 22.04.2017

Дата публикации: 15.12.2017

Трагическое ощущение конца, грань между бытием и небытием, между быть или не быть человечества превращали голос писателя в истерзанный крик, в вопль в защиту человека и жизни, заставляли его мучительно искать новые, наиболее приемлемые формы отражения современной жизни или, используя старые формы, наполнять их совершенно новым содержанием. В этом — одна из особенностей литературы Рубежа веков. С одной стороны, русский декаданс с его поиском новых форм и идей, с его безысходностью, с другой — реализм XX в. Причем важно отметить то, что выработка новых эстетических программ, новых методов исследования и отражения действительности проходили чаще всего в непосредственном соприкосновении с творчеством Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, А. П. Чехова, писателей, прочно связанных с литературой критического реализма, но испытавших воздействие новых эстетических программ и систем.

Насыщенность времени, его содержательность и вместе с тем его разорванность, импульсивность изменили восприятие человека, заставили его по-новому относиться к происходящему в мире.

Человека (а писателя тем более) не удовлетворяло уже осмысление происходящего в «большом» мире как планомерного, спокойного преобразования, которое не ведет к радикальным изменениям. Писательское сознание теперь пребывало в пред-

чувствии общественных потрясений, и даже тогда, когда художник сторонился связей с историей, с назревшими переменами, мысль о них давала о себе знать в подтексте его произведений. Личные катастрофы и неурядицы, трагические финалы человеческих судеб приобретали вселенский оттенок. Господствующее место в сознании писателя стала теперь занимать личность, выявлявшая себя во всей возможной совокупности человеческих и общественных связей, осознавшая (или осознающая) общее неблагополучие жизни, впитавшая напряженное ожидание перемен или, во всяком случае, мысль о том, что они неизбежны. Эта была личность, взвалившая на себя груз ответственности за все происходящее в мире, ни по характеру связей, ни по объективному смыслу судьбы она не была равнозначной в произведениях разных художников: М. Горького и Ф. Сологуба, И. Бунина и А. Белого, А. Куприна и В. Вересаева, А. Блока и Л. Андреева. Более того, именно в начале столетия человеческая личность — и как писательская индивидуальность и как герой литературы — с такой обостренностью, демонстративностью, выявила свои полярные качества, с какой она не делала этого ранее. В любом единичном случае, индивидуальном (лирическом) проявлении она становилась показателем эпохи в целом.

Иными словами, каждый писатель, каждый литературный герой становился правдой времени, теми элементами, которые создавали панораму эпохи. Казанский и Актер, Лука и Ромашов, Сатин и братья Красовы, андреевский Царь-Голод и Человек, лирические герои А. Блока и В. Маяковского явились не только подлинными открытиями новых типов человеческого характера, нового отношения к жизни, но и откровением времени, без которого душа и лик времени выглядели бы неправдоподобными и неполноценными.

Безусловно, ощущение полной зависимости от происходящего в «большом» мире стало едва ли не основным качеством внутреннего строя героев литературных произведений Рубежа веков. И сам мир, окружающий и вбирающий в себя человека, воспринимался писателем уже не в виде некоего замкнутого отрезка времени, а в виде единой движущейся жизненной цепи, панорамы событий, лиц, явлений. Именно поэтому человек рубежа веков воспринимал и свое время, и себя самого как бы в двух планах — и как некий итог, и как некое начало. Он ощущал себя на грани эпох, и вот это ощущение было главным в его личности. Художник, герой произведения открывал какую-то истину людям и самому себе. Она неизбежно носила не только отвлеченно-философский характер, но и конкретно-исторический.

Показательно утверждение Л. Долгополова: «В одних случаях осознание своей полной причастности к историческим и социальным изменениям давало возможность личности (будь то писатель или его герой) активно включиться в процесс пересоздания действительности и реальных человеческих отношений. В других, напротив, порождало мысль о фатальной подверженности человеческой судьбы вне ее лежащим воздействием, что, в свою очередь, приводило к концепции безысходности и обреченности. В третьих случаях возвышало личность до осознания трагического величия своей судьбы, когда понимание полной причастности к происходящему в “большом” мире порождало мысль о необратимости и единстве исторического процесса и, следовательно, о неизбежности грядущих сдвигов и потрясений. В четвертых — ставило писателя во враждебную по отношению к происходящему во внешнем мире позицию, поскольку на первый план выдвигалось стремление сохранить свою индивидуальность, не дать ей раствориться в том бурном потоке превращений, столкновений крайних позиций и точек зрения, которым оказалась захвачена жизнь России в начале века» [6, с. 23–24].

Таково время, такова эпоха, породившая Леонида Андреева, как писателя, так и человека, по-своему осознающего окружающую его действительность, самого себя и личность человека.

Явление каждого крупного художника слова, мыслителя с тем или иным пониманием мироздания, безусловно, есть веление времени, ибо оно, время, создавая новые проблемы, разрывая мир в клочья, неизменно порождает пророков, которые приходят на Землю как предостережение, как откровение самой эпохи, как стремление вершить судьбу человечества. Таковы Л. Толстой (хотя его пророчества весьма сомнительны), Ф. Достоевский, А. Блок, М. Волошин и, конечно же, Л. Андреев — все они предписание своей эпохи и в полной мере стали отражением ее противоречий, ее исканий, ее стремлений.

Приход последнего в большую литературу совпал не только с концом XIX в., но и с поиском новых форм, новых средств изображения мира и человека, появлением новых эстетических программ (манифесты символизма В. Брюсова и Дм. Мережковского) и философских систем (достаточно вспомнить Вл. Соловьева и марксистские теории Георгия Плеханова). Вместе с тем в первых своих произведениях писатель выглядел довольно традиционно. Так, андреевский «Баргамот и Гараська» отвечал общим требованиям «пасхального» рассказа, но, несмотря на это, современники Л. Андреева уже с первых его шагов в литературе слышали в произведениях писателя новый голос, желающий постичь мир и человека, умеющий сострадать и обладающий горячим библейским сердцем. Иными словами, современники приветствовали появление самобытного писателя Леонида Андреева.

В те годы М. Горький, прочитав рассказ «Баргамот и Гараська», писал: «В пасхальном номере московской газеты «Курьер» помещен рассказ «Баргамот и Гараська» Л. Андреева — вот бы Вы имели в виду этого Леонида. Хорошая у него душа» [5, с. 22]. Не с этих строк Максима Горького началась полная кричащих, противоречивых оценок жизнь писателя на страницах литературно-критических журналов и альманахов?

Не отрицая талант Л. Андреева, умение постичь самые глубинные тайны человеческой души, художники слова, творившие с ним в одну эпоху, по-разному относились к его творческим и жизненным исканиям, в зависимости от своих философских и эстетических взглядов.

Конечно, различные оценки творчества писателя — это не просто литературная склока вокруг его имени, а стремление постичь мир героев Андреева, внутренний облик самого писателя, выявить те или иные особенности его произведений. И то, что творчество писателя не прошло незамеченным и вызвало множество споров, свидетельствует о весьма сложном и многообразном андреевском мире.

Не этой многообразностью, обнаженностью исканий, трагичностью он привлекал М. Горького и А. Чехова, В. Короленко и В. Вересаева, Л. Толстого и А. Блока, Дм. Мережковского и М. Волошина.

В частности Лев Толстой писал о рассказах Леонида Андреева: «Больше всех мне понравился рассказ “Жили-были”, но и конец — плач обоих — мне кажется неестественным и ненужным». В толстовском же экземпляре сборника рассказов Л. Андреева сохранились пометки: «“Молчание”, “Надя” превосходны; “На реке”, “В темную даль” — прекрасны; “Праздник” — хорошо» [8, с. 545].

Оценка Львом Толстым произведений писателя говорит сама за себя и не нуждается в комментариях. Также высоко оценивала талант Л. Андреева не только читательская публика, но и официальная литературная критика. В. Воровский, например, писал:

«Если вы спросите современного интеллигентного читателя назвать наиболее талантливых авторов наших дней, он, наверно, на одно из первых мест (если не на первое) поставит Л. Андреева. И этот суд толпы в общих чертах совпадает с судом критики» [4, с. 261].

И каждый из критиков, из современников Андреева, оценивая его творчество, стремился постичь его во взаимосвязи со временем и мировой литературой, ибо облик самого писателя, масштабы его творчества, нуждались в этом. Большинство писателей и критиков, выявляя Андреева в мировом литературном процессе, как правило, считали его творчество продолжением традиций Ф. Достоевского, Н. Успенского, Вс. Гаршина (этого «таланта человеческого», по слову А. П. Чехова), А. Чехова. Впрочем, сам писатель не скрывал истоков своего творчества: «Учителем своим признаю Толстого. Толстой прошел надо мной и остался во мне. Выше Толстого и никого не знаю, каждое его произведение считаю образцом искусства и мерилom художественности» [7, с. 403].

И все же, если говорить не о внутреннем стремлении (к Толстому) и не о внешней похожести (в ранних рассказах на А. Чехова и М. Горького), а об изначальном чувстве мира, то тут ближе всего к Л. Андрееву, пожалуй, Ф. Достоевский. Эту близость замечали еще его современники. Иннокентий Анненский, известный поэт и талантливый критик, писал в статье «Иуда»: «Л. Андреев принадлежит к поколению, воспитанному на Достоевском. Не на том Достоевском, которого когда-то сослали в Сибирь, а потом держал в кабале Катков, и на которого можно было сердиться на “Бесов” или “Дневник писателя”, а на другом, отошедшем ввысь и давно уже лучезарном поэте нашей совести» [2, с. 550].

Из современников ближе всего к Л. Андрееву был А. Блок, который этого и не скрывал. В статье «Памяти Л. Андреева» он писал: «<...> вот перекликнулись два наших хаоса, и вышло, что к времени личного знакомства Л. Андреев знал уже, что существует такой А. Блок, с которым где-то, как-то и для чего-то нужно встретиться, и он кажется не чужим» [3, т. 5, с. 491].

Литературные нити тянутся к Андрееву с различных сторон, точно также нити тянулись и от самого Андреева.

Если Ф. Достоевский, Лев Толстой научили его постигать глубоко скрытые от поверхностного взора основы человеческого бытия, стремиться самостоятельно искать ответы на вечные и мучительные вопросы человеческого духа, то Вс. Гаршин и Н. Успенский привили Андрееву вечно болящую совесть и нечеловечески бесстрашную искренность (и сразу вспоминается пронзительный «Рассказ о семи повешенных», и его вопль, обращенный к Столыпину, «не вешай, сволочь!»); если М. Салтыков-Щедрин выразил едким сарказмом и беспощадностью к косности, то Священное Писание открыло ему тайные законы письма, стремление понять закономерности развития человечества с математической точностью и логической стройностью соединять воедино реальность и ирреальность, кричащие диссонансы и невысказанные алогизмы.

Вместе с тем вне Андреева невозможно представить творчество Ф. Кафки и Л. Пиранделло, В. Маяковского и Б. Брехта, К. Фуэнтоса и А. Карпентера. Безусловно, взаимосвязь Андреева с мировым литературным процессом находит свое отражение в творчестве писателя, в его пристальном внимании к тем или иным проблемам мироздания. По мнению большинства исследователей творчества Л. Андреева — В. Воровского, А. Луначарского, М. Волошина, И. Иоффе, В. Чувакова, Л. Иезуитовой, В. Львова-Рогачевского, — это был один из тех писателей, который сделал для каждого из нас жизненно необходимой потребностью сейчас, незамедлительно и точно ответить себе

и всем вокруг на вечные «проклятые» вопросы, открытые человечеством в древние времена и актуальные по сей день: о цели человеческого существования, о трагедии жизни и смерти, о путях разума, веры и чувства, о борьбе с мировым злом, о месте человека в мире, о его праве на добро, о его праве на насилие и зло. Это те вопросы, на которые мучительно искали ответы не одно поколение писателей.

Герои Л. Андреева явились читателю как сгусток противоречий, как кричащий мучительный вопрос: кто мы — люди? Если люди, то почему не любим друг друга, почему так одиноки в разорванном времени мире?

Именно любовь к жизни, любовь к людям виделись Андрееву как непереносимые составные части жизнеповедения настоящего человека.

Вместе с тем человек воспринимался писателем как борьба двух противоположных начал, которые движут мирозданием светлого и темного, доброго и злого, свободного и бесправного. Андрееву, как никакому другому писателю в русской литературе, было присуще обостренное ощущение контрастов жизни. Обладая своеобразным трагическим мироощущением, он считал, что не только современная ему действительность глубоко противоречива и дисгармонична, но что противоречивость это некий вечный универсальный закон бытия. «И почему-то мне кажется, — писал он Горькому в феврале 1904 г., — что музыка будущего будет заключаться не в гармонии, а в роскошной дисгармонии» [7, с. 196].

Эту черту мировосприятия и творчества писателя неоднократно отмечали современники Леонида Андреева. Заметив его тяготение к отражению жизни, как борьбы противоречий, и особый двусоставный характер его мышления, критик В. Львов-Рогачевский назвал эти качества «двойственностью». Максим Горький в воспоминаниях о нем писал: «Леонид Николаевич странно и мучительно для себя раскалывался надвое — на одной и той же неделе он мог петь миру “Осанна!” и провозглашать ему “Анафема”. И не случайно его герои воспринимали мир и себя точно так же. В них жило и проявлялось с одинаковой силой грубое и нежное, жажда ненависти и жажда любви к жизни, рабское и свободное, мрак и свет» [7, с. 197].

На двуликость героев Л. Андреева указывал И. Анненский, рассматривая в этом продолжение традиций Ф. Достоевского. В частности, он писал: «Загадка двух личин, которую Леонид Андреев, даже не пробуя решать, так великолепно иллюстрировал, волновала Достоевского всю жизнь» [2, с. 550].

На наш взгляд, Андреев не только иллюстрировал, но и пытался по-своему разгадать эту загадку. Герои писателя не только живут на грани света и тьмы, ночи и дня, но и мучительно ищут выхода из хаоса ночи и мрака, ищут тот островок веры, который бы вывел их к свету. Отсюда во многом характерное для героев Андреева ожидание чуда. Его ждут, на него надеются и герои рассказа «Жили-были», и Василий Фивейский, и революционеры из романа «Сашка Жегулев», и пресловутый Иуда Искариот. Ждут, ибо без чуда нет веры. Вопрос в том, придет ли оно извне или сам человек в ответе за него. Не потому ли герои писателя так мучительно ищут соприкосновения с миром, пытаясь его изменить, переделать, сделать лучше. Но возможно ли это? Оправдана ли будет жертва во имя человечества? Изменит ли это его?

Тема героя и его жертвы, тема страдания во имя человека, тема вмешательства в ход исторического развития волновала писателя на протяжении всего творчества. Достаточно вспомнить рассказы «Так было», «В темную даль», драмы «К звездам», «Царь-голод», повесть «Иуда Искариот», роман «Сашка Жегулев».

Оценивая героев Андреева, замечаешь, что героическое, как правило, связано с трагическим. По мнению писателя, героическая личность утверждает себя в борьбе с роковыми стихийными силами, с толпой, с судьбой, со своими собственными страстями и выявляет ее масштабы.

Тема героической личности, тема жертвы, как своей, так и другого человека особо было показано в романе «Сашка Жегулев». Показывая двуликость главного героя Сашки Погодина, ставшего Сашкой Жегулевым, Леонид Андреев выявлял и обреченность жертвы, творимой не во имя Божественного лика, а во имя революции. Андреев один из первых показал бессмысленность революционного насилия. Наверно, поэтому в конце жизни он будет писать «Дневник сатаны». Оказавшись в Финляндии, он с болью наблюдал, что происходило в России. Так, начав с пасхального рассказа, он вынужден был обратиться к демоническому миру, разгулявшемуся на его родной Руси.

Надо признать, что такие писатели, как М. Горький, В. Короленко и, конечно же, Леонид Андреев, морально и финансово поддерживали революционное движение, но когда революция свершилась, то они в ужасе отшатнулись от нее. Достаточно вспомнить полные трагизма письма В. Короленко А. Луначарскому, «Несвоевременные мысли» Максима Горького, завещание А. Блока, обращенное к Пушкинскому Дому.

Заслуга Л. Андреева в том, что он блестяще в своем творчестве отразил темносветлый лик русского человека в предреволюционную эпоху. Эта была данность, и эта данность была изображена. Возможно, кому-то это не нравится. Но Андреев жестко и последовательно следовал традиции великой русской литературы, которая всегда выступала совестью русского национального сознания. Леонид Андреев, как писатель, выполнил свой творческий и человеческий долг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Андреев Л. Н. Полн. собр. соч.: в 10 т. СПб.: Изд-во Маркса, 1913. Т. 5.
- 2 Анненский И. Избранные произведения. Л.: Худож. лит., 1974. 736 с.
- 3 Блок А. А. Собр. соч.: в 6 т. / вступ. ст. Б. И. Соловьева; коммент. С. А. Небольсина. М.: Правда, 1971. Т. 3. 556 с. Т. 5. 560 с. Т. 6. 557 с.
- 4 Воровский В. Литературная критика. М.: Худож. лит., 1971. 574 с.
- 5 Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1945. Т. 28.
- 6 Долгополов Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века. Л.: Сов. писатель, 1985. 352 с.
- 7 Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 72: М. Горький и Л. Андреев. 564 с.
- 8 Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1964. Т. 20. 684 с.

© 2017. Sergei M. Zaiats
Tiraspol', Republic of Moldova

LEONID ANDREYEV AS DARK BRIGHT FACE OF THE SILVER AGE

Abstract: The article shows the contradictory face of Leonid Andreev, which is an unquestionable part of the culture of the Silver Age, who managed to embody in his work the features of literature and culture of the turn of the centuries, which were crucial in the history of Russian civilization. Being, in recognition of many of his contemporaries

and his own recognition, the creator of "the most charming disharmony", he managed to capture in an amazing way his creative image in the Russian literature of the Silver Age. He became an integral part of it, offering us, readers, a new look at the mysterious era of the turn of the century, when the old esthetic values were falling into oblivion and new ones were born, the latter being thought over by the creative thinkers of the twentieth century.

Keywords: Leonid Andreev, the turn of the century, pre-revolutionary era.

Information about the author: Sergei M. Zaiats — DSc in Philology, Professor, Transnistrian State University, 25th October St., 128, 3300-MD Tiraspol, The Republic Of Moldova. E-mail: smz67@mail.ru

Received: April 22, 2017

Date of publication: December 15, 2017

REFERENCES

- 1 Andreev L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete works: in 10 vols.]. St. Petersburg, Izd-vo Marksa Publ, 1913. Vol. 5. (In Russian)
- 2 Annenskii I. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1974. 736 p. (In Russian)
- 3 Blok A. A. *Sobranie sochinenii: v 6 t* [Collected works: in 6 vols.], introduction by B. I. Solov'eva; comments of S. A. Nebol'sina. Moscow, Pravda Publ., 1971. Vol. 3. 556 p. Vol. 5. 560 p. Vol. 6. 557 p. (In Russian)
- 4 Vorovskii V. *Literaturnaia Kritika* [Literary criticism]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971. 574 p. (In Russian)
- 5 Gor'kii M. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1945. Vol. 28. (In Russian)
- 6 Dolgopolov L. *Na rubezhe vekov. O russkoi literature kontsa XIX – nachala XX veka* [At the turn of the century. On Russian literature of the late XIX – early XX]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 352 p. (In Russian)
- 7 *Literaturnoe nasledstvo* [Literary legacy]. Moscow, Nauka Publ., 1965. Vol. 72: M. Gor'kii i L. Andreev. 564 p. (In Russian)
- 8 Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1964. Vol. 20. 684 p. (In Russian)